

О достоверности социальных прогнозов

Филиппов Герман Григорьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
filosof@SZAGS.ru

РЕФЕРАТ

Изобилие социальных прогнозов делает актуальной проблему их оценки на правдоподобность и достоверность, не ожидая проверки временем. Такая оценка складывается не только из экспертного приговора силами и средствами соответствующей конкретной науки, но также и с весомым вердиктом метатеории данной отрасли научного знания. Метатеория включает: примененные мировоззренческие принципы, методологические предпосылки, обоснованность использованных общенаучных методов и логическое соответствие выбранных методик научной методологии познания. Уже на основе метатеории можно сделать достаточно достоверные оценки реалистичности многих социальных прогнозов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальный прогноз, достоверность социально-экономических прогнозов, оценка достоверности социального прогноза

Filippov G. G.

On Social Forecasts Reliability

Philippov Guerman Grigoryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
filosof@SZAGS.ru

ABSTRACT

An abundance of social forecasts poses as urgent the problem of their assessment as to plausibility and reliability, not waiting for the test of time. Such an assessment is composed not only of an expert judgement based upon the resources and facilities of the corresponding specialized science, but as well as of a well-grounded verdict of a metatheory of a specific branch of scientific knowledge. This metatheory includes world-outlook principles applied, methodological premises, the validity of general scientific methods used as well as logical conformity of the chosen procedures and scientific methodology of cognition. It is possible to make sufficiently reliable estimations of many social forecasts plausibility only on the basis of a metatheory alone.

KEYWORDS

social forecast, social forecasts reliability, assessment of social forecasts reliability

Растущее множество прогнозов общественного развития (экономического, политического, технического, информационного и пр.) стало реальным фактом и устойчивой тенденцией. Такие прогнозы делаются прежде всего в рамках соответствующих отраслевых наук, а также от имени паранауки (альтернативных областей знания), от идеологических доктрин, от дилетантов и непрофессионалов, от фантазирующих журналистов и писателей и, конечно, от заинтересованных заказчиков, обладающих властью, деньгами или влиянием.

Прогнозирование как функция науки является важнейшим показателем практической значимости и достоверности научного знания. Практические расчеты по-

следствий производственной, экономической, политической и, особенно, управленческой деятельности необходимо строить на достаточно достоверных прогнозах, чтобы оптимизировать затраты и избежать недопустимых результатов, чтобы вместо желаемого не получалось «как всегда». Кроме того, только на основе достаточно достоверных, но хорошо засекреченных прогнозов можно принимать манипуляционные решения и действия, выгодные для ограниченного круга социальных субъектов, но отрицательные, вредные и несправедливые для всех остальных.

Конечно, самым надежным и окончательным способом проверки правильности сделанного прогноза является сопоставление предрекаемого результата с совершившейся реальностью к запланированной дате. Однако такой способ хорош для критических аналитических разборок теоретиков, но мало что дает для практики управленческой деятельности, а именно: только эмпирический материал для последующего отбора более проницательных вперёдсмотрящих. Практическая ценность социального, прежде всего политического и экономического, прогноза должна определяться заранее, для чего в настоящее время имеются продуктивные инструменты, которые, однако, далеко не всегда используются. Это прежде всего разнообразные принципы, методы и приемы философского и общенаучного характера.

Анализировать всерьёз имеет смысл только два вида прогнозов: научные прогнозы, сделанные профессиональными специалистами, и прогнозы, легально положенные в основу официальных управленческих решений. Рассмотрение научных прогнозов продуктивнее других, поскольку в основании научных прогнозов всегда больше достоверного эмпирического материала и меньше субъективных посылок и оценок. Явные или неявные, а также скрываемые основания легальных управленческих решений, выступающие в качестве прогноза, исследовать много сложнее, поскольку решение может быть принято вопреки реалистическому прогнозу из-за чисто политических, идеологических или корыстных соображений¹.

Поэтому производить оценку достоверности социальных прогнозов продуктивнее на материале научных прогнозов, хотя прогнозы, предвидения и предсказания всех времен, лежащие за пределами строго научного знания, часто вызывают интерес своей экзотичностью [7], интуитивной тревожностью [3], устрашающим характером [1] или веселой развлекательностью [5].

Конечно, оценка достоверности социального прогноза никак не сводится к моментному акту измерения неким универсальным методом в рамках ограниченной по времени процедуры. Доказательная оценка имеет комплексный характер; она включает не только конкретные средства и процедуры, но и общие — мировоззренческие и методологические критерии.

Начнем с мировоззренческих. Это философские принципы и парадигмы. Любой прогноз, особенно долгосрочный, не должен противоречить реальным законам природы и общества, отраженным в совокупном научном знании, прежде всего — в естественнонаучном. Исходной посылкой для всякого долгосрочного, и отчасти среднесрочного, прогноза является определение места исследуемого объекта на траектории исторического развития общества: на ветви восходящего развития или на ветви нисходящего развития.

Судя по основным показателям жизнеобеспечения общественного развития, надо признать, что современное человеческое сообщество соскользнуло на этап инволюции.

Согласно законам термодинамики, любое материальное образование, в том числе общество, подвержено энтропии, т. е. объективной тенденции развития к все более простому состоянию, что ведет к постепенной утрате качества и сущности

¹ Для осуществления большого обмана нужно точно знать настоящую правду.

материального объекта и делает его неотвратимо конечным во времени. Для общества это означает наличие не только стадии восходящего развития (прогресс), но и неизбежность нисходящей стадии (регресс). И та, и другая стадия продолжительны по времени. Они измеряются историческими эпохами, а не временем жизни индивида или целого поколения. Субъективные восприятия и переживания прогресса и регресса не меняют содержания энтропийных процессов. Объективные оценки этих процессов могут быть выведены только на основе фундаментальных показателей развития общества.

К таковому следует отнести в первую очередь обеспеченность ресурсами существования общества как сложной организованной системы. Еще в прошлом веке экономисты высчитали, что ресурсы нашей планеты способны обеспечить «американский образ жизни» только для одного миллиарда человек на долгосрочный период. Сейчас население планеты превысило 7 млрд. Уже наглядно видно на бытовом уровне сокращение возможностей для удовлетворения потребностей в безопасной воде, в полноценных продуктах питания, в чистом воздухе, в индивидуальном жизненном пространстве, которое сводится практически к нулю в современных мегаполисах. Закономерен переход в определении сущности здоровья человека Всемирной организацией здравоохранения от былых объективных показателей (вес тела, жизненная емкость легких, процент гемоглобина в крови и т. д.) к субъективному восприятию личностного бытия (чувство физического и психического комфорта несмотря на всякие объективные анализы и физические недостатки).

Сокращение ресурсов жизнеобеспечения усугубляется неуклонно растущей дифференциацией уровней доходов между бедными и богатыми слоями населения стран мира, которая достигла уже пропорции 1 : 500 [2, с. 22].

Сложившаяся мировая ситуация делает крайне сомнительными долгосрочные прогнозы о неминуемом наступлении в РФ когда-то в обозримом будущем «ясного полдня светлого дня» [8, с. 22].

Также по общефилософским соображениям несостоятельны оптимистические представления о дальнейшем расширении демократии и улучшении социального статуса личности как в развитых, так и в развивающихся странах. Дело в том, что сложилось непреодолимое противостояние свободы и организованности в развитии современного социума. Пределы свободы, достигнутые в странах «развитой демократии» и настоятельно рекомендуемые для всех остальных стран, вошли в противоречие с основами системообразующих связей общества как социального организма. Свобода для большинства дополнилась равной свободой для любых меньшинств, что лишило общество какого-то общего вектора развития, погрузило в состояние неопределенности будущего и сделало управление хаосом повседневности субъективным, случайным и венаучным.

Но для сохранения устойчивости и остойчивости общество имеет только один инструмент — силу организации. Поэтому в противостоянии безграничной свободе неизбежно применение косвенных и прямых ограничений, формальных и неформальных препятствий, а также изолированных манипуляционных методов и приемов. Поведение систем с высокой степенью неопределенности трудно предсказуемо, и для их самосохранения управленческие органы неминуемо повышают регламентацию всех процессов, т.е. ведут политику «заорганизованности».

Методологические предпосылки также позволяют предварительно определить основательность прогнозов и их пригодность для принятия управленческих решений. Общефилософские методы (а их достаточно много), положенные в метатеорию прогноза, в значительной мере предопределяют качество предвидения. Популярный ныне системный подход позволяет надеяться на то, что в прогнозе будут учтены все главные факторы, порождающие и регулирующие данное явление. Но он близок по существу к плюралистическому методу, поскольку не выделяет явно главный

тренд, т. е. глубинную основу процесса. Такую возможность дает диалектический метод (непопулярный нынче по идеологическим соображениям), вскрывая внутреннее противоречие в качестве источника всяких изменений. Наличие такого подхода обнаруживается в прогнозе по конструктивному описанию динамики ожидаемого процесса; по выявлению тенденций, препятствующих исполнению предвидения; по противоречивости финального результата и, соответственно, по предвидению отрицательных (а не только положительных) последствий предполагаемого управленческого решения. Самый жесткий (эффективный) проверочный вопрос о применении указанного общеполитического метода — это вопрос о том, чьи интересы и в какой мере будут ущемлены данным управленческим решением.

Это не означает, что прогнозы и основанные на них управленческие решения, сделанные по иным общеполитическим методам, не имеют какой-либо достоверности и целесообразности. Каждый политический метод отображает ту или иную сторону реальности и, стало быть, может продуцировать объективное знание. Например, третируемый ныне метафизический метод, ориентирующий на установление однозначной связи причины и следствия без учета сопутствующих причин и условий, способен давать основательные ответы на сложные и не вполне ясные вопросы. Например, почему в современном мире так сильна мобилизующая роль мусульманской религии. Почему мобилизующая роль христианской религии иссякла в крестовых походах, которые организовывались несколько веков и даже воплотились в массовом крестовом походе детей, и многовековых крестьянских восстаниях в Европе, проходивших под лозунгом достижения «истинных» христианских ценностей.

Метафизический метод позволяет, отстранившись от многих сложностей, указать на главную причину, определяющую мобилизационную активность, — механизм ответственности верующего перед богом за деяния земной жизни. Христианское вероучение определяет опосредованную ответственность: истово молиться сыну божьему о прощении личных грехов и неблагоприятного поведения, а уж он напрямую ответит за несовершенство человеческой природы. В мусульманстве же каждый представившийся верующий отвечает персонально по всей строгости перед Аллахом за каждый свой поступок в земной жизни. Естественно, во втором случае человек должен каждодневно и ежечасно оценивать и контролировать свое поведение, т. е. быть постоянно ответственным за свои поступки.

По методологическим соображениям можно заранее существенно корректировать социальные прогнозы. Общество в целом и все его подсистемы являются сложными иерархически устроенными институтами, и, следовательно, подчиняются в большинстве случаев статистическим закономерностям, а не динамическим. Это означает, что все протекающие в этих подсистемах процессы имеют вероятностный характер и реализуются не со стопроцентной определенностью. И это не ошибка измерения, не слабости прогностических методик, не неожиданное влияние внешних условий. Это сущность стохастических процессов изменения сложноорганизованных систем.

Учитывая этот общий принцип, нельзя считать основательными прогнозы с однозначными предлагаемыми показателями, а также убедительными управленческие предначертания с непоколебимо точными цифрами. В реальности плановые показатели, даже составленные самым тщательным способом, выполняются всегда в некотором интервале значений. А потому в управленческие решения необходимо заранее закладывать немалый запас прочности, требующий дополнительных расходов и ресурсов. Например, при проектировании строительства жилого дома и установления срока его гарантированной эксплуатации необходимо учитывать не только естественный износ материалов и конструкций, но и подвижки грунтов от строительства соседних домов и транспортных магистралей, от изменения подземных

горизонтов грунтовых вод из-за мелиоративных работ, реконструкции водоемов, прокладки каналов и различных тоннелей и т. п.

На осуществимость социальных прогнозов существенное и часто непредсказуемое влияние оказывают политические институты и процессы, что сказывается прежде всего на достоверности экономических прогнозов. Давнишняя истина бесспорна: политика является концентрированным выражением экономики. Но это не исключает активного обратного влияния политики на экономику. Именно политика задает цели и ориентиры экономической деятельности и экономических прогнозов. Деформации в политических институтах или их крушение делают несостоятельными экономические предвидения, планы и результаты. Так, политические потрясения в СССР в 80–90-е годы прошлого века стали причиной коренного несоответствия с реальностью прогноза ООН о будущем мировой экономики. Прогноз роста ВВП Советского Союза с начала 70-х годов к 2000 г. оправдался для СНГ в целом только на 22%, для Северной Африки и Ближнего Востока — на 18%, для стран Восточной Европы — на 44%, а для Китая — на 193% [10, с. 98]. Во всех этих странах и регионах произошло существенное изменение политических институтов за прогнозируемый период.

С другой стороны, экономические прогнозы, не подкрепляемые политическими переменами, также оказываются нереализованными. Так, государственный прогноз о создании 20 млн новых рабочих мест в РФ в течение нескольких лет остался не выполненным, как боязливо и косноязычно отмечают комментаторы-политологи из-за отсутствия наличия «политической воли». Под этим неизящным эвфемизмом, по-видимому, кроется опасность создания 20 млн потенциальных оппонентов существующему режиму, к тому же хорошо организованных характером своей трудовой деятельности.

Достоверность социальных прогнозов во многом зависит от корректности применения общенаучных методов, которые, с одной стороны, поставляют фактологический материал, а с другой стороны, — способы его теоретической обработки. Правильность применения заключается в выполнении целого ряда принципиальных требований, проверенных и закрепленных предшествующими поколениями исследователей в практике научной работы. Во-первых, необходима достаточность и представительность эмпирического материала, на основе которого строится теория вопроса и соответствующий прогноз. Конкретно это означает недопустимость использования только одного метода сбора фактологических данных. Материал, собранный каким-то одним методом (анкетированием, наблюдением, экспертным опросом, интервьюированием, статистическими замерами, отдельными опытами и т. п.), всегда будет односторонним. Он не может представлять все основные аспекты изучаемого объекта и не позволяет проводить перекрестную проверку фактов. Он дает картину состояния объекта только на момент его исследования, и ничего не говорит о его предшествующем и будущем состоянии. Например, данные анкетного опроса дают информацию о состоянии на данный момент времени общественного мнения, мотивации к какой-либо деятельности, оценках того или иного события и тому подобных процессах и объектах. Но по ним невозможно судить о динамике изменений изучаемого объекта. Даже если мы будем проводить лонгитюдное исследование, т. е. повторять анкетирование регулярно в течение длительного времени по одной и той же программе и на той же выборке респондентов, мы не получим объективных данных о причинах изменения во времени состояния объекта и влияния многообразных внешних факторов на эти изменения.

Желаемые сведения мы сможем получить, только сравнивая результаты анкетирования со статистическим материалом, проверяя обнаруженные факты наблюдением, интервьюированием, оценками экспертов, фотографией и самофотографией бюджетов времени респондентов.

Во-вторых, качество получаемой информации для построения прогноза прямо зависит от правильности применения соответствующего общенаучного метода. Грубо говоря, недопустимо смешивать методы, подменять один другим, что довольно часто бывает и в научных исследованиях, и в практике управленческой деятельности. Речь идет о подмене метода измерения методами оценивания или описания, о подмене метода эксперимента методом опыта, о подмене метода анализа методом аналогии, о подмене моделирования схематизацией и др.

Типичным примером в теории и практике социального управления является подмена эксперимента опытом. Реформа местного самоуправления, реформа ЖКХ, реформы в сфере образования официально обозначаются как эксперименты с целью улучшения качества, эффективности и оптимизации. Однако ключевым отличием эксперимента является обязательное наличие контрольного объекта, который максимально близок по сущности и содержанию с экспериментальным объектом. Это необходимо для объективного сравнения результата экспериментального воздействия на развитие подобного же объекта, но не подверженного экспериментальному воздействию. Только в этом случае можно достоверно судить о положительном или отрицательном влиянии эксперимента.

Если бы для проведения реформы ЖКХ были выделены контрольные объекты — несколько субъектов Федерации — и было бы проведено сравнение основных показателей по итогам нескольких лет в экспериментальных регионах с регионами, работавшими по старинке, тогда можно было бы достоверно или хотя бы правдоподобно судить о продуктивности производимой реформы.

Точно такое же рассуждение можно провести относительно поголовного внедрения ЕГЭ в общеобразовательных школах, массового перехода на Болонскую систему в вузах, тотального введения компетентного подхода в оценке профессиональной квалификации специалистов и т. д. и т. п.

Требования к процедуре применения общенаучных методов относятся и к методам отраслевых наук, в том числе и к тем, которые поставляют фактологический материал для разработки прогнозов социально-экономического и политического характера. К таким требованиям относятся прежде всего: принципиальная наблюдаемость фактов; практическая достижимость операционального выражения теоретических положений; однозначность формулировок методического инструментария исследования, а также гипотез и теоретических конструкций; репрезентативность исследуемой выборки, т. е. адекватное (гомоморфное) соответствие изучаемой выборки всей генеральной совокупности исследуемых событий. Однако эти требования далеко не всегда соблюдаются при подготовке социальных прогнозов, даже ответственных и официальных.

Так, для разработки эволюции общественного мнения, для выявления динамики мотиваций экономического и политического поведения населения, для предвидения колебаний потребительского спроса, для выяснения демографических тенденций и т. п. необходима достаточная база достоверных данных. Но в современных российских условиях ее невозможно получить по целому ряду объективных обстоятельств. Закон о защите информации закрывает какую-либо возможность получить личностные сведения из кадровых служб предприятий и организаций, из паспортных отделов жилищных организаций, из адресно-справочных организаций, из полиции, из банков и кредитных организаций. Да и обезличенную информацию из статистических органов получить непросто. Материалы переписей (Всероссийской и отраслевых) страдают неполнотой и неточностью, поскольку многие граждане пользуются конституционным правом не раскрывать свою личностную информацию во имя собственной безопасности.

В результате в социологических, социально-психологических, экономических и статистических исследованиях не отражаются и не учитываются такие социальные

характеристики отдельных лиц и целых социальных слоев, как: форма занятости, вид занятости, профессия, специальность, социальное положение, уровень заработной платы, социальный статус и многое другое. Реально в анкетных опросах, в телефонных опросах, в интервьюировании респондентов, в статистических опросах имеется возможность определять только такие характеристики респондентов, как: пол, возраст, образование, потребительский статус и населенный пункт проживания [2, с. 23].

В данном случае речь идет о социальных слоях и социальных группах, занятых в сфере теневой экономики. Они ведь состоят не из отдельных и независимых друг от друга арифметических слагаемых, а представляют собой общности, соединенные специфическими социальными связями, общими мотивациями публичного и частного поведения, особыми ценностными ориентациями и определенными латентными способами полуформальной организации. Общая численность этих социальных слоев и групп весьма значительна. По официальным оценкам, теневая экономика РФ составляет 20% всей экономики, по экспертным — много больше. По правительственным оценкам прошлого года, из 86 млн трудоспособных граждан России 38 млн не состоят в каких-либо оформленных по закону трудовых отношениях. В Петербурге и Ленинградской области, несмотря на рост безработицы и снижение реального уровня заработной платы, наблюдается в последние годы опережающий рост затрат населения на покупку продовольственных и промышленных товаров. Объяснить такой экономический парадокс может только факт наличия и процветания теневой экономики всех оттенков. Отсутствие правдивой информации об этих массовидных социальных субъектах деформирует адекватность представлений о предстоящем поведении легальных социальных субъектов.

«Черные дыры» в экономической статистике дополняются и ее органическими несовершенствами. Сюда относится в первую очередь принятые формы показателей отчетности и индикативного планирования. Задача ставится не по созданию конкретных материальных объектов, а по проведению работ на заданную сумму денег. Отчет об исполнении выражается в сумме освоенных средств. Поэтому денежные средства могут быть успешно и в срок освоены, а готового жилого дома, дороги или стадиона в натуре нет.

Существенно деформируют исходные данные для социальных прогнозов и сами прогнозы недостатки и профессиональные слабости методик сбора первичных фактов. Сюда относятся: нерепрезентативность выборки исследования; неточность и неоднозначность формулировки гипотезы исследования; нарушение правил построения анкеты и плана интервью; нелепые формулировки проблемы или темы исследования; отсутствие разработки процедуры и техники проведения исследования; неадекватное применение математических методов обработки полученных данных и многое другое. Несколько типичных примеров.

Стали популярными и модными сравнительные исследования уровня счастья народов различных стран. Однако измерение «счащливости» в любом случае остается на уровне цыганского гаданья: от «чтобы всего было вдоволь» до «вывести козла из избы в огород».

Мониторинг общественного мнения населения РФ проводится вроде бы профессиональными исследовательскими организациями, но инструментарий обследований вызывает сильные сомнения в достоверности результатов. Ответственные выводы зачастую делаются по частотным распределениям на вопросы такого типа: «Что вы можете сказать о своем настроении в последние дни: прекрасное; нормальное; сильно раздраженное, страх» [6, с. 7]. Сказать можно многое: и формулировка вопроса размытая, неопределенная; и критерий деления вариантов ответа (логический делитель) не единый, как требуют правила формальной логики; и варианты ответов не градуируются по времени суток (то ли до обеда, то ли за

ужин, то ли в постели, то ли перед телевизором); и определение сути настроения никак не привязано к какой-либо объективной основе.

Для планирования последствий управленческих решений зачастую применяется метод экстраполяции, который дает более или менее точные результаты только для краткосрочных прогнозов. Но когда он применяется к прогнозированию федерального бюджета на три года вперед, да еще в качестве главного инструмента, то результат оказывается типичный — «как всегда».

Прогнозы конкретных числовых показателей на 5 лет вперед иной раз делаются на высоком уровне и вовсе непостижимыми методами: мол, к 2020 г. уменьшится число преступлений, совершаемых мигрантами в Петербурге, на 51% [9, с. 9]. Получается: то ли преступления совершаются по установленным плановым показателям, то ли полицейским службам установлен предел фиксации правонарушений.

Выводы:

1. Для эффективных управленческих решений необходимы более или менее достоверные прогнозы изменения социальных объектов и процессов.
2. Для подготовки достаточно основательных прогнозов необходимы материальные ресурсы, профессиональные исполнители и время. Но эти три фактора вместе соединяются редко.
3. Поэтому для существенной экономии расходов на эти факторы целесообразно проводить научную экспертизу программных документов подготовки прогнозов по качеству методологии, методики и процедуры планируемых исследований.

Литература

1. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту: Рассказы. М. : Молодая гвардия, 1965.
2. Ершов Ю. С. Что ждет Россию, или можно ли верить долгосрочным экономическим прогнозам? // ЭКО. 2011. № 12 (450). С. 22–39.
3. Ефремов И. А. Час быка // Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М. : Молодая гвардия, 1989.
4. Иванов Н., Гоффе Н., Моносова Г. Глобализация и бедность // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 29–42.
5. Лушников А. Г. Антиутопия — 2012. СПб. : КультИнформПресс, 2011.
6. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. № 1–2(117). Январь-июнь 2014.
7. Нострадамус. Центурии. СПб. : Азбука-классика, 2005.
8. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М. : Эконом-Информ, 2010.
9. Санкт-Петербург через 5 лет. Предвыборная программа кандидата в Губернаторы Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. СПб. : Типографский комплекс «Девиз», 2014.
10. Суслов Н. И. Проект ООН «Будущее мировой экономики»: что не сбылось? // ЭКО. 2011. № 12 (450). С. 82–101.

References

1. Bradbury R. *Fahrenheit 451: Stories* [451° po Farengeitu: Rasskazy]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya]. 1965. (rus)
2. Ershov Yu. S. *What waits for Russia or whether it is possible to trust long-term economic forecasts?* [Chto zhdet Rossiyu, ili mozhno li verit' dolgosrochnym ekonomicheskim prognozam?] // ECO. 2011. N 12 (450). P. 22–39 (rus)
3. Efremov I. A. *Hour of a bull* [Chas byka] // Collected works in 5 v. V. 5. B. 2. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya], 1989. (rus)
4. Ivanov N., Goffe N., Monusova G. *Globalization and poverty* [Globalizatsiya i bednost'] // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhduнародnye otnosheniya]. 2010. N 9. P. 29–42. (rus)
5. Lushnikov A. G. *Anti-Utopia — 2012* [Antiutopiya — 2012]. SPb. : Cultinformpress [Kul'tInformPress], 2011. (rus)

6. Monitoring of changes: principal trends [Monitoring peremen: osnovnye tendentsii] // Messenger of public opinion. Data. Analysis. Discussion [Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussiya]. N 1–2 (117). January-June, 2014. (rus)
7. Nostradamus. *Centurie* [Tsenturii]. SPb. : Alphabet-classics [Azbuka-klassika], 2005. (rus)
8. *Russia in XXI century: image of the desirable tomorrow* [Rossiya XXI veka: obraz zhelaemogo zavtra]. M. : Econom-Inform, 2010. (rus)
9. *St. Petersburg in 5 years*. Election program of the candidate for Governors of St. Petersburg G.S. Poltavchenko [Sankt-Peterburg cherez 5 let. Predvybornaya programma kandidata v Gubernatory Sankt-Peterburga G.S. Poltavchenko]. SPb. : Printing complex «Device» [Tipografskii kompleks «Deviz»], 2014. (rus)
10. Suslov N.I. *UN Project «Future of world economy»: what hasn't come true?* [Proekt OON «Budushchee mirovoi ekonomiki»: chto ne sbylos'?] // ECO. 2011. N 12 (450). P. 82–101. (rus)